

# Глава 1

## Тень смерти

В сельской глуши расположенных к северу от Нью-Йорка Катскильских гор август месяц выдался переменчивым и своенравным, все метался между солнечным блаженством июля и свинцовыми шквалами грядущей долгой зимы.

Такой месяц у кого угодно притупит ощущение времени и пространства. Погода словно бы подпитывала внутренний разлад Дэйва Гурни, его неуверенность насчет собственного места в жизни — разлад, что начался три года назад, когда Дэйв ушел из Департамента полиции Нью-Йорка, и усилился, когда они с Мадлен переехали из города, где оба росли, учились и работали, в сельскую местность.

И вот сейчас, в первую неделю августа, когда близился пасмурный вечер, а вдалеке рокотал гром, Дэйв с Мадлен поднимались на Барроу-хилл по грязной разбитой дороге, что соединяла меж собой три небольшие каменоломни, давным-давно заброшенные и поросшие дикой малиной. Устало плетясь за Мадлен к невысокому валуну, где они обычно останавливались передох-

нуть, он старался по мере сил следовать извечному ее совету: *“Смотри по сторонам. Тут так красиво. Расслабься и впитывай красоту”*.

— Каровое, да? — спросила она.

Гурни захлопал глазами.

— Что?

— Да озеро же.

Мадлен кивнула на глубокий спокойный водоем более или менее правильной округлой формы, образовавшийся на месте выработанного много лет назад карьера. Он тянулся от того места у тропы, где они сидели, до полосы водолюбивых ив на другом берегу — зеркальная гладь футов около двухсот в поперечнике, с почти фотографической точностью отражающая плакучие ветви деревьев.

— Каровое?

— Я тут прочла дивную книгу о пеших прогулках в шотландских горах, — с энтузиазмом отозвалась Мадлен, — так там автор то и дело натывается на “каровые озера”. У меня сложилось впечатление, это что-то вроде озерца среди скал.

— Хм-хм.

Повисла долгая пауза. И снова Мадлен первой нарушила молчание:

— Видишь вон там, внизу? По-моему, курятник надо строить именно там, прямо рядом с аспарагусом.

Гурни понуро разглядывал отражения ив. Подняв голову, он увидел, что Мадлен показывает просвет в лесу чуть ниже по склону. Когда-то там пролежала просека, по которой возили бревна.

Одной из причин для остановки передохнуть именно у валуна на краю старой каменоломни было то, что

за всю дорогу только отсюда и открывался вид на их владения. Старый фермерский дом, клумбы, яблони-переростки, маленький прудик, недавно отстроенный амбар, неухоженные пастбища на склонах холма (поросшие в это время года ваточником и рудбекией), тот кусочек пастбища, который Дэйв с Мадлен подстригали и называли газоном, да выкошенную широкую полосу по самому низу, они величали ее подъездной аллеей. Примостившись на валуне, Мадлен неизменно радовалась этой картине в роскошном обрамлении окрестных лесов.

Гурни не разделял восторгов жены. Мадлен обнаружила это место вскоре после переезда, и в первый же раз, как она показала его Гурни, у того возникла одна лишь ассоциация: находка для снайпера, вздумавшего подстрелить кого-нибудь на входе в дом. (Ему достало ума не делиться этой мыслью с женой. Она три дня в неделю работала в местной психиатрической клинике: не хватало только, чтобы она решила, будто его пора лечить от паранойи.)

Разговор о курятнике — насущная необходимость его постройки, размеры и конструкция, а также место расположения — возникал у них каждый день, к очевидной радости Мадлен и умеренному раздражению Дэйва. По настоянию Мадлен в конце мая они купили четырех кур и пока держали в амбаре, но мысль переселить их на новые квартиры никуда не делась.

— Можно построить отличный курятничек с загончиком между аспарагусом и яблоней, тогда в жаркие дни у них там будет тень, — предложила Мадлен.

— Давай.

Ответ прозвучал безразличнее, чем Дэйву хотелось бы.

Тут разговор и омрачился бы, не отвлекись Мадлен. Она вскинула голову.

— Что такое? — спросил Гурни.

— Прислушайся.

Он замер — дело для него нередкое. Сам он был наделен совершенно обыкновенным слухом, а вот Мадлен — феноменальным. Через несколько секунд, когда шорох ветра в листве затих, Гурни различил где-то вдали, ниже по холму, скорее всего, на ведущей из города дороге, что заканчивалась тупиком у начала их “подъездной аллеи”, смутный гул. Постепенно гул усилился, и он распознал характерное урчание не в меру большого и не в меру шумного восьмицилиндрового мотора.

Он знал человека, который ездил на старом “маслкаре” с точно таким же шумным мотором — переделанном красном “Понтиаке” 1970 года выпуска. Человека, для которого этот треск двигателя служил визитной карточкой.

Джек Хардвик.

Гурни стиснул зубы. Предстоящий визит детектива, с которым его связывала причудливая цепочка пережитых вместе опасностей, профессиональных успехов и постоянных пикировок, не радовал. Не то чтобы такой поворот событий застал Гурни врасплох. В сущности, он ожидал этого с той минуты, как услышал, что Хардвика вынудили уволиться из государственного полицейского бюро криминальных расследований. Гурни понимал: напряжение, испытываемое им сейчас, напрямую связано с тем, что случилось до увольнения Хардвика. Он в большом долгу перед Хардвиком, теперь придется платить по счетам.

Череда низких темных туч быстро скользила над дальним гребнем, словно отступая перед свирепым ревом красного автомобиля. С того места, где сидел Гурни, уже видно было, как машина движется вверх по склону через скошенный луг к дому. На миг Гурни завладело искушение: просто-напросто пересидеть на холме, пока Хардвик не уедет. Но это ведь делу не поможет, лишь удлинит период тоскливого ожидания неминуемой встречи. Решительно хмыкнув, он поднялся с камня.

— Ты его ждал? — спросила Мадлен.

Гурни удивился, что она помнит машину Хардвика.

— Такой рев не забудешь, — пояснила она, словно бы прочтя по лицу мужа его мысли.

Гурни посмотрел вниз. “Понтиак” остановился рядом с его запылившимся “универсалом” на крохотной самодельной парковке рядом с домом. Могучий мотор неистово взревел, когда ему поддали газу, перед тем как выключить.

— Ждал, в общем. Но не обязательно сегодня.

— А сам-то ты хочешь с ним повидаться?

— Я бы сказал, это он хочет увидаться, а мне хочется поскорее с этим покончить.

Мадлен кивнула и поднялась.

Когда они повернули обратно на тропу, зеркальная гладь озера задрожала под порывом внезапного ветра. Перевернутое отражение неба и деревьев разбилось на тысячи мелких серых и зеленых осколков.

Если бы Гурни верил в предзнаменования, то сказал бы, пожалуй, что разбившееся отражение предвещает беду.